

он был заменен Маниковским, а затем попал под следствие, но никакой виновности в его деятельности не обнаружилось *.

Ген. Поливанов весьма отрицательно относился к Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, председательствуемой генерал-инспектором артиллерии. По мнению Поливанова, имеющему, впрочем, некоторые основания, с учреждением этой комиссии «руководство артснабжением было почти изъято из рук военного министра и если бы не был сохранен порядок направления всех заготовительных вопросов через Военный совет, председателем которого состоит военный министр, то можно было бы признать, что рядом с должностью военного министра учреждена еще должность министра артиллерийского снабжения, замещенная вел. князем» **.

В мае 1915 г. учреждено было Особое совещание по обороне (подробнее о нем будет сказано ниже). По мнению Поливанова, всегда разделяемому многими членами и председателем Государственной думы Родзянко, существование Особой распорядительной комиссии, в силу ее полномочий, могло бы затруднить деятельность Совещания и что поэтому сохранение Комиссии при наличии Совещания невозможно. Об этом Поливанов сказал председателю Комиссии и посоветовал ему выяснить в Ставке вопрос об использовании его опыта и знания в артиллерийском деле «в направлении фактической проверки артснабжения действующей армии». Одновременно Поливанов сообщил обо всем наштаверху ген. Янушкевичу, который ответил, что главковерх «вполне одобрил необходимость закрытия комиссии» и что ее председателю, как генерал-инспектору артиллерии, будет поручено «установить живую личную связь Петрограда с фронтом и Ставкой по части артиллерии» ***.

Между прочим, ген.-инспарт **** вызвал тогда недовольство главковерха своим докладом о предстоящем в июле уменьшении подачи пушечных патронов на фронт за израсходованием всех дистанционных трубок и о невозможности усиления в желанный срок производства ружей и гранат.

По этому поводу Янушкевич писал Поливанову: «в. князь С. М. обещал уменьшение на июль, так как израсходованы будто бы 22-сек. трубки. С. М. немного упрямо смотрит на усиление производства ружей и гранат. Верховный поручил просить вас взять это в свои руки и непременно приказать сделать (просьба не поможет). Раз задержка с дистанционными трубками — надо давать гранат: они будут срывать немецкие окопы...».

Письмо это характеризует: 1) отсутствие понимания не только сложных сторон производства предметов артснабжения, но и

* Дело о быв. военном министре ген. Сухомлинове, его жене Е. Д. Сухомлиновой и о быв. нач. ГАУ ген. Кузьмине-Караваеве в I отд. II секции Един. гос. арх. фонда в Ленинграде.

** Мемуары. А. А. Поливанова, стр. 153.

*** Мемуары А. А. Поливанова, стр. 161. Курсив мой. Б.

**** Еще большее „неудовольствие“ вызвало несогласие ген. инспарта со взглядами Ставки на дачу граничных заказов, о чем см. ниже.

простой техники применения артиллерии (76-мм граната не может заменить шрапнель для поражения живых целей, а для срытия окопов мало пригодна); 2) не отвечавшие пользе дела отношения, существовавшие между бывшими великими князьями.

30 июня (13 июля) 1915 г. царь согласился на упразднение Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, а через несколько дней после того бывший ее председатель был командирован на Юго-западный фронт для проверки на месте состояния артснабжения.

С очевидным чувством удовлетворения Поливанов, устранив быв. великого князя Сергея Михайловича, записал в своем дневнике: «артснабжение вышло из области руководства С. М. и, оставаясь под контролем Особого совещания, моим и моего помощника, передавалось в ближайшее ведение энергичного и опытного по технической части Маниковского».

«Опасения в. кн. С. М. не оправдались, обещанного им в июле уменьшения не последовало, а в августе принятые без участия в. кн. меры дали себя знать».

То-есть в августе увеличилась подача в армию почти всех предметов артснабжения, как это должно было быть, но не в результате мер, принятых Поливановым «в августе», а принятых ГАУ и Особой распорядительной комиссией заблаговременно, по крайней мере за 6 месяцев до августа — приблизительно в конце 1914 г. и в начале 1915 г.

В этом вопросе был более осведомлен даже сам царь и когда ему Поливанов «с чувством удовольствия» докладывал 4 (17) июля 1915 г. об увеличении числа изготовленных снарядов, царь ответил: «это и ранее имело в виду» *.

Взаимоотношения между Поливановым и Маниковским также далеко не были благоприятными для пользы дела боевого снабжения.

Маниковский крайне тяготился службой по должности начальника ГАУ. По его собственным словам, он «всегда ясно сознавал свою неподготовленность к этому посту» и, кроме того, испытывал «острое отвращение к самой работе в условиях ГАУ» **.

Он всеми мерами противился назначению на должность начальника ГАУ и неоднократно просил отпустить его в действующую армию. На одно из писем его по этому поводу ген. Поливанов 23 января (5 февраля) 1916 г. (см. приложение 3), положил такую резолюцию: «Условия работы ГАУ не легки, но от начальника управления в значительной мере зависит дать им надлежащее направление и снять с работы характер «каторги». Для этого нужна прежде всего планомерная подготовка к порядку в работе ближайших сотрудников и предъявление им требований к подготовке своих подчиненных. Совершенств не бывает и все начинают с малого, но это малое должно расти. Бросать свой пост только потому, что он труден — это резон во время войны неприемлемый. Если нервы

* Мемуары А. А. Поливанова, стр. 163, 164, 167.

** См. приложение 3, копия письма Маниковского 22/I 1916 г. Поливанову. Курсив мой. Б.

не выдерживают — поезжайте и сделайте обзоры на местах. Перемена стен успокаивает».

«В скором времени произойдет созыв законодательных учреждений и начальники управлений военного министерства должны быть на своих местах — это второй аргумент против вашего перехода в армию. А третий аргумент — это тот, что на ваш переход в армию, связанный с оставлением должности начальника ГАУ, я согласия не изъявляю».

Почти одновременно, по запросу 28 того же января (11 февраля) вр. командующего Северным фронтом ген. Бонч-Бруевича, наштаверх решил возвратить ген. Маниковского на прежнюю должность коменданта Кронштадта и получил на это согласие ген. Поливанова лишь с просьбой «немного обождать», пока Маниковский даст об'яснения при предстоящем созыве Государственной думы. Вместо Маниковского на должность начальника ГАУ предположили назначить совершенно к этому не подготовленного и не способного ген. Похвиснева, который в то время был начальником артснабжения Западного фронта, а до войны всегда служил в строевых частях, главным образом, по учебно-строевой части в артиллерийских училищах.

Узнав об этом, Маниковский обратился с личной просьбой к наштаверху ген. Алексееву назначить его на любую должность на фронте, независимо от оклада жалованья, но только не в Кронштадт, который тогда, по верному заявлению Маниковского, представлял «глубокий тыл».

В результате, 26 февраля (10 марта) 1916 г. Поливанов телеграфировал Алексееву: «Переговорив с ген. Маниковским и осведомившись * о той напряженной работе, которая ныне происходит в ГАУ, я пришел к заключению о невозможности переменить лицо, стоящее во главе управления. Дабы согласовать это решение с выраженным вами указанием о необходимости руководства ген. Маниковского крепостью Кронштадт, я предлагаю со своей стороны нижеследующую меру: предоставить ему проверку современного положения крепости с тем, чтобы в случае наступления какой-либо настоятельной необходимости ему стать во главе обороны крепости, сохраняя за собою и звание начальника ГАУ **.

Маниковский остался начальником ГАУ, и тогда же 27 февраля (11 марта) 1916 г. написал в Ставку ген. Алексееву о причинах, побудивших его это сделать. Среди них интересным является намек на нависшую революцию (ровно за год до Февральской революции), которую Маниковский осторожно называет в письме «тучей» и хочет доложить о ней лично. «Пока же скажу, — пишет Маниковский Алексееву, — что такие вопросы, как расстройство транспорта по России, бастующий 4 (17) февраля Путиловский завод, невозможность наладить как должно ремонт орудий и подачу тяжелых снарядов, взрывателей к ним — все

* Курсив мой. Б.

** В.-И. А. Дело Штаба главковерха о ген. Маниковском № 222. Телеграмма Поливанова № 501 к Алексееву. Если бы Маниковскому пришлось опять стать во главе обороны крепости, то он, разумеется, не мог бы одновременно руководить деятельностью ГАУ, и звание начальника ГАУ было бы совершенно излишним.

эти вопросы в общем сумбуре нашей жизни, когда еще связывают руки бесчисленным количеством комиссий, подкомиссий, совещаний и заседаний, положительно не дают возможности делать прямое и важное для армии дело» *.

Пример прохождения вопроса о перемещении ген. Маниковского на прежнюю должность характеризует не только поверхностное отношение военного министра, но и глубокую недооценку «верхами» царской русской армии важности боевого снабжения в целом, в частности недооценку ГАУ и его начальника.

У начальника ГАУ в то время сосредоточены были все бесчисленные запутанные нити заготовления предметов боевого снабжения; к этому заготовлению привлечено было до 90% всей русской металлургической и химической промышленности, переживавшей кризис, граничащий почти с полным ее крушением; заграничным заводам на сотни миллионов были даны артиллерийские заказы, осложняемые всевозможными вопросами политического характера, и т. д.

Во всем этом лабиринте сложных вопросов артиллерийского снабжения мог разобраться один Маниковский, и он не только разобрался, но и поставил боевое снабжение на правильный твердый путь: в 1916 г. действующая армия стала получать почти все, что ей требовалось по части вооружения.

И в это время, в самый разгар войны, верховное командование и военный министр, ценившие исключительную энергию, знания и опыт Маниковского, решают возвратить его в крепость, игравшую второстепенную роль, а на ответственной государственной важности пост начальника ГАУ поставить ген. Похвиснева, мало сведущего и совершенно чуждого работе ГАУ и центральных учреждений правительства.

Подобное решение могло явиться только результатом недостаточно серьезного отношения к делу боевого снабжения, неосведомленности в нем или непонимания этого дела.

Действительно, ген. Поливанов, как это видно из приведенной выше телеграммы его к штаверху, «осведомился о напряженной работе» ГАУ, лишь переговорив с Маниковским в конце февраля 1916 г., а до того времени он, повидимому, не представлял себе этой работы, хотя уже несколько месяцев был военным министром и в течение нескольких лет перед войной, будучи еще помощником военного министра, должен был непосредственно направлять и контролировать деятельность начальника ГАУ.

Выше упоминалось, что с объявлением войны Россия разделялась на две отдельные самостоятельно управляемые части: театр военных действий, возглавляемый верховным главнокомандующим, и внутренние области государства или глубокий тыл, причем все остающиеся в этом тылу военные учреждения и войска управлялись военным министром. Выше так же было указано, что никаких определенных взаимоотношений ме-

* В.-И. А. Дело Штаба главковерха о ген. Маниковском № 222.

жду главковерхом и военным министром законом не было установлено и что согласование их работы во время войны зависело от верховной власти царя.

В равной мере законами царской России не было предусмотрено никакого связующего звена между органами военного снабжения, находящимися на театре военных действий и остающимися в глубоком тылу в распоряжении военного министра. Согласно Положению о полевом управлении войск в военное время (ст. 99), кроме главковерха, только главнокомандующие армиями фронтов имели право «непосредственно сноситься с министрами». Статья эта служила чуть ли не единственным, к тому же весьма неопределенным указанием о связи фронта с глубоким тылом. «Сноситься» — не значит требовать или предписывать, а равносильно лишь сообщению или просьбе, и от военного министра зависело исполнить или нет обращенную к нему просьбу того или иного главнокомандующего фронтом.

Главный начальник снабжений армий фронта, согласно Положению, должен был руководить снабжением армий «в соответствии с выработанным в мирное время планом снабжения».

Что касается собственно плана артиллерийского снабжения, то таковой в мирное время для фронтов не был выработан. Оружие и материальная часть артиллерии, предназначаемые для запаса военного времени, сдавались на хранение без всякого определенного плана в ближайшие к изготовлявшим их заводам артиллерийские склады, где было свободное место. Заблаговременно был составлен только план мобилизационной готовности и распределения по армиям местных артиллерийских парков с огнеприпасами, но и этот план был совершенно нарушен с объявлением войны (см. выше).

Право непосредственного сношения с министрами главному начальнику снабжений фронта предоставлено не было, но к предметам ведения подчиненных ему управлений относилось, между прочим, «истребование по части снабжения из внутренних областей империи всего, что не может быть заготовлено на месте».

В частности, начальник артиллерийских снабжений фронта, согласно общих указаний главного начальника снабжений, мог «своевременно сноситься с ГАУ о пополнении огнеприпасов и прочих предметов артиллерийского ведомства, указывая куда, к какому сроку и что именно должно быть доставлено» *. Но взаимоотношения ГАУ с фронтовыми органами артснабжения не были определены законом, и на сношение начальника артснабжения фронта ГАУ могло реагировать по своему усмотрению.

Словом, должной связи ГАУ с органами боевого снабжения на фронте не было; связь не была установлена законоположениями, а предоставлялась случаю и произволу.

* Положение о полевом управлении войск в военное время 1914 г., ст.ст. 16, 144, 149, 297.

Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части учреждена была в начале 1915 г., главным образом, «для установления действительной связи между действующей армией и органами, ведающими изготовлением и снабжением предметами артиллерийского имущества» *.

Комиссия эта через полгода была упразднена, чтобы не затрудняла «исполнение постановлений Особого совещания» **, созданного в мае 1915 г., и по некоторым другим соображениям. Но Особое совещание, как увидим ниже, не предназначалось для непосредственной связи с действующей армией.

С упразднением Особой распорядительной комиссии вопрос о связи глубокого тыла с фронтом по вопросам боевого снабжения повис в воздухе. «Живая, личная связь Петрограда с фронтом и Ставкой по части артиллерии» через бывш. председателя комиссии, о которой писал в июне 1915 г. Янушкевич Поливанову, установлена, конечно, не была.

Одновременно с упразднением Особой распорядительной комиссии начальник ГУГШ ген. Беляев *** был назначен помощником военного министра. Поливанов возложил на Беляева согласование требований из Ставки с деятельностью довольствующих главных управлений военного министерства, но от этого пользы не могло быть, так как Беляев представлял собою олицетворение канцелярской рутинч и бюрократизма и ничего больше.

Только с 1916 г., с учреждением в Ставке Упарт, вопрос о связи артснабжения на фронте и в тылу, как увидим ниже, был несколько урегулирован, но и то, главным образом, благодаря личным взаимоотношениям начальника Упарт и начальника ГАУ.

В глубоком тылу, вне театра военных действий, кроме военного министра с ГАУ, ответственного за боевое снабжение армии, и временно существовавшей Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, к работе промышленности на нужды войны должно было бы иметь непосредственное отношение министерство торговли и промышленности, на что указывает самое его название.

Но этого министерства во время войны как бы не существовало. В нем не было положительно никаких сведений о нашей промышленности и притом не только о мелкой и средней, но и о самой крупной. Начальник ГАУ, лично, почти год спустя после начала войны, никак не мог добиться от министерства торговли и промышленности, например, таких сведений: на каких заводах, сколько и какой силы прессов состоит в действительности; на каких заводах имеются сильные станки, пригодные для обточки снарядов крупного калибра; на каких заводах (коксовальных) и в каком количестве производится добыча сырого бензола и переработка

* Отчет о деятельности Особой распорядительной комиссии по артчасти, стр. 2.

** Мемуары А. А. Поливанова, стр. 161.

*** Ген. Мих. Алекс. Беляев впоследствии заменил ген. Поливанова и был последним военным министром при Николае II. Будучи еще юнкером артиллерийского училища, Беляев получил прозвище—«мертвая голова», сохранившееся за ним на всю жизнь. Это был типичный «чиновник», угождавший начальству, но отнюдь не государственный деятель.

(разгонка) его на толуол; каковы перспективы министерства по части обеспечения нашей потребности в кислотах — серной и азотной и в смазочных маслах; где можно достать квалифицированных рабочих таких-то специальностей и т. д. и т. д.

На все эти и им подобные вопросы начальник ГАУ или не получал ответов вовсе или, что еще хуже, получал совсем неверные. Вообще для начальника ГАУ так и осталось неразгаданной загадкой: да чем же собственно занимались в этом почтенном министерстве и почему оно носило свое громкое название?

И с самого начала войны и до конца ее это министерство, в сущности говоря, не принимало не только видного, как подобало бы ему, но почти никакого участия ни в тягостной мобилизации нашей застигнутой врасплох промышленности, ни в дальнейшей организации необходимых для ведения войны производств. И эту трудную роль взяло на себя само ГАУ, которому пришлось поэтому положительно разрываться на части, чтобы всюду производить своими техниками: и обследования, и инструктирование, и развитие, и снабжение, и создание новых заводов, — словом, все то, что должно было делаться специально для того существующим министерством.

И вместо того, чтобы министр торговли и промышленности с первого же дня войны сел рядом с военным министром и стал бы его первым и ближайшим помощником, он вместо этого избрал благую часть, совершенно отстранившись от дела и продолжая лишь ту исключительно «бумажную» работу, которая и в мирное время была, строго говоря, и бесплодна и ненужна.

В сущности говоря, в то трудное время у нас не было ни главы правительства в настоящем значении этого слова, ни военного министра, понимающего что-либо в военной промышленности, ни министра торговли и промышленности.

ПОРЯДОК ЗАГОТОВЛЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО СНАБЖЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.—ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ДЕЛА БОЕВОГО СНАБЖЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ; СПЕКУЛЯЦИЯ НА СНАРЯДАХ.—ЗАГОТОВЛЕНИЕ СНАРЯДОВ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ВАНКОВА.—ВМЕШАТЕЛЬСТВО СОЮЗНИКОВ; ВАХНАЛИЯ ЗАКАЗОВ СНАРЯДОВ ЗАГРАНИЦЕЙ.

В I томе этого труда с достаточной подробностью рассмотрен вопрос о порядке заготовления предметов артиллерийского снабжения, установленном в довоенное время.

Во время войны порядок этот не подвергался сколько-нибудь существенным изменениям, в особенности в отношении производства заготовления техническими артиллерийскими заведениями и казенными заводами.

Попрежнему дело заготовления предметов артснабжения страдало многими глубокими дефектами. Самым существенным из них было то, что казенные заводы работали на основании законоположений мирного времени, тормозящих живое дело и совершенно не отвечающих условиям, созданным войной.

Война потребовала коренного изменения юридического положения, условий жизни и работы всех военных и даже гражданских учреждений, но эти изменения почти не коснулись казенных заводов. Формальности мирного времени, несмотря на чрезвычайную потерю времени, связанную с ними, продолжали исполняться техническими артиллерийскими заведениями.

Оставление казенных заводов в прежних условиях грозило большим ущербом делу боевого снабжения армии. Действия председателя Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, как упоминалось, не должны были выходить из рамок существующих законоположений и постановлений Совета министров. Но проводить в законодательном порядке через Совет министров чрезвычайные меры, необходимые для изменения условий работы казенных заводов, не представлялось возможным, так как эти меры могли иметь смысл только при немедленном их осуществлении. Поэтому председатель Особой распорядительной комиссии, стремясь фактически как можно скорее поставить работу заводов на боевую ногу, решился взять на себя ответственность и развязать руки начальникам технических артиллерийских заведений, послав им 20 февраля (5 марта) 1915 г. телеграмму следующего содержания:

«Ознакомившись с постановкой производства на некоторых заводах артиллерийского ведомства, я усматриваю, что на многих заводах производительность далеко не достигла той величины, которая могла бы быть достигнута за семь месяцев войны. Приписываю этот печальный факт во многих случаях недостаточной энергии и личной инициативе как начальников заводов, так и председателей хозяйственных комитетов. Впредь предписываю прекратить все приемы мирного времени, как-то: торги, представление планов, проектов и т. п. формальностей. Вы обязаны принимать все меры к усилению производительности вверенного вам завода путем наличной покупки как материалов, так и станков, не спрашивая разрешения ни Главного артиллерийского управления, ни окружных военных советов. По всем выполненным мероприятиям испрашивайте утверждения уже сделанных распоряжений. Если дальнейшая ваша деятельность не даст необходимых результатов, вы будете в самый кратчайший срок уволены со службы. Если среди чинов как хозяйственной, так и технической части есть лица, тормозящие ваши мероприятия, предписываю беззамедлительно представить к увольнению с немедленным устранением от должности. Уверен, что все чины технической службы проникнутся поставленными требованиями, и мне не придется прибегнуть к выполнению угрозы» *.

Телеграмма эта освобождала казенные заводы от исполнения многих хлопотливых формальностей, сильно задерживавших их производство в течение первых семи месяцев войны. Меры, предложенные телеграммой, представляли серьезное отступление от обычно применяемых правил, требуемых законом. Поэтому приходится отметить, что преследуемая этой

* „Отчет о деятельности Особой распорядительной комиссии по артчасти“, стр. 12 и 13.

телеграммой цель достигнута не была, так как, несмотря на тогдашний высокий авторитет пославшего ее, поверяющие ведомства (министерства финансов и государственного контроля) считали ее недостаточной для изменения действовавших законоположений, что очень скоро почувствовала и администрация заводов, которая, ожестившись на первых же случаях применения своих новых прав, пользовалась в дальнейшем ими далеко не в полном объеме, и то лишь с очень большой осторожностью. Конечно, намеченное телеграммой расширение прав, совершенно необходимое при тех чрезвычайных обстоятельствах, должно было быть проведено в законном порядке военным министром, о чем он нисколько не позаботился.

Что же касается заготовления предметов арснабжения в частной промышленности, то по этому поводу приведем следующие слова ген. Смысловского из его показаний Верховной следственной комиссии:

«Весь строй торговых отношений ГАУ с поставщиками, обусловленный существующими законоположениями, и вся формальная сторона их, порождавшая целый ряд затруднений и в мирное время, совершенно не соответствовали условиям заготовлений в военное время и притом для такой важнейшей цели, как оборона страны.

В этих законоположениях красною нитью проходило, во-первых, свободное предложение со стороны поставщиков, а во-вторых, полное недоверие к обеим сторонам со стороны закона. При первых же выстрелах законы эти само собой отчасти рухнули. Так, вместо уменьшения задатков, требуемых на военное время по закону, наоборот, по положению Совета министров они были увеличены до 65%, а условия получения их облегчены. По указанию помощника военного министра ГАУ начало заключать спешные сделки и давать заказы без тех формальностей, которые требуются законом, входя только затем в Военный совет с представлением об утверждении сделанных распоряжений.

Тем не менее от прежнего порядка к новому перейти было весьма трудно. Десятками лет поставщики были приучены к свободным поставкам и все мои личные усилия обратить на военное время эти поставки в повинность, обязательную для заводчиков в такой же мере, как и воинская, не увенчались успехом».

После Смысловского, на той же идее неоднократно настаивал и начальник ГАУ, но также, или почти также, безрезультатно: к отдельным заводам, особенно проштрафившимся, удавалось применять эту меру и то после упорнейшей борьбы в Особом совещании по обороне*, но как общая мера она так и не была проведена в жизнь до самого конца войны, несмотря на то, что пример бывшей нашей союзницы Франции был у нас перед глазами.

Почти с самого начала войны, отчасти под влиянием угрозы «снарядного голода» и связанных с ним неудач на фронте, отчасти из жела-

* Достаточно вспомнить ту бурю, которую подняли г.г. промышленники и ниже с ними, когда, наконец, пришлось взять в руки военного ведомства Путиловский завод, хозяева которого не хотели знать ничего, кроме своих коммерческих интересов.

ния разного рода дельцов и спекулянтов «половить рыбку в мутной воде», началось вмешательство в дела боевого снабжения «общественных деятелей», особенно членов Государственной думы, особых совещаний, военно-промышленных комитетов, земгоров и прочих организаций, в большом числе возникших во время войны *.

Все эти не на шутку «болевшие за родину» лица считали своим священным долгом время от времени совершать паломничество на фронт с целью выяснения действительных нужд его и степени их удовлетворения, а также для контроля за деятельностью как органов снабжения, так даже и командного состава армии. Такой способ осведомления и контроля давно обычен в странах с установившимся народным представительством, где вследствие этого уже и аккумулировался значительный опыт и выработались надлежащие приемы и правила, а потому результаты обследования подобными «парламентскими» комиссиями бывали там только полезными. К сожалению, нельзя того же сказать о наших «обследователях» положения на фронте в прошлую войну: сами не будучи достаточно подготовленными к этой роли, не привлекая с собой настоящих специалистов (да и откуда их было набрать для такого количества поездок), без определенного плана, и воодушевляемые, главным образом, желанием найти всякого рода недочеты, чтобы громко оповестить о них «общественное мнение» и приэтом щегольнуть своим боевым опытом — при таких условиях особой пользы от их посещений фронта не наблюдалось. Им все равно приходилось довольствоваться, помимо личных очень «обывательских» впечатлений, только показаниями тех участников войны, которым не только не возбранялось, но, напротив, вменялось в обязанность свои заключения из боевого опыта представлять по команде, откуда они доходили до центра уже в сведенном и обработанном виде. Так что чего-либо нового по существу от добровольных исследователей не получалось. Зато раздувания разных мелочей, имевших только местное и часто кратковременное значение, неправильного понимания хода военных операций, нарочито сохраняемого в секрете, неосторожного оглашения дислокационных и снабженческих тайн и скоропелых, часто совсем профанских заключений — всего этого бывало хоть отбавляй в «докладах» и «разоблачениях» добровольных радетелей за армию. И потому, не отрицая несомненной искренности и лучших намерений у многих из них, в то же время нельзя не отметить, что в условиях бывшей нашей действительности эти осведомители, давая обильный материал разного рода шпионам, вносили не мало путаницы и без того в не очень ясное дело снабжения армии.

Выше упоминалось, что ГАУ предполагало организовать мощные центры производства снарядов и что это был единственный правильный

*) По этому поводу наштаверх Янушкевич 29/VIII (11/IX) 1914 г. писал Сухомлинову: „Относительно Гучкова, доложу верховному, дабы выяснить что он занимается не своим делом. Не дай бог, если известия о снарядах станут доходить до врага. Не знаю, что и делать с этими разнообразными сверхпопечителями“. См. „Красный архив“, т. I. Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем.

путь «мобилизации» нашей промышленности, сразу вступив на который, мы смогли бы стать действительными ее хозяевами и извлечь из нее все то многое, что она могла дать.

Говорилось также и о том, что ГАУ, по инициативе Смысловского и Маниковского, настаивало на проведении закона о всеобщей промышленной повинности.

Но даже оставляя в стороне такую «решительную» меру, как введение закона о «всеобщей промышленной повинности», и руководясь только простым здравым смыслом и минимальным техническим пониманием дела, можно было и получить гораздо больше снарядов и выгадать во времени, в цене, в техническом и рабочем персонале, в топливе, в металле, в транспорте, — словом, положительно во всем том, в чем мы испытывали колоссальные затруднения с самого начала войны, если бы, просто отбросив всю ту промышленную мелюзгу, о которой сказано выше, распределить заказы только между действительно мощными и способными к дальнейшему развитию заводами и установить за ними действительный контроль ГАУ, введя в правления этих заводов правительственных директоров.

То же нужно было проделать и всем организациям, объединившим вокруг себя более или менее значительное количество заводов, как например, организации ген. Ванкова, Земгора, Центрального и областных военно-промышленных комитетов (о чем будет сказано ниже).

Но при первых же известиях о крайнем недостатке боевого снабжения на фронте и возможности вследствие этого «хорошо заработать» на предметах столь острой нужды «известную» часть общества бывшей царской России охватил беспримерный ажиотаж.

Именно 76-мм (3-дюймовая) прашнелъ и была тем первым лакомым куском, на который оскалились зубы всех шакалов, для которых, кроме легкой наживы, не было ничего святого и у которых, к великому несчастью для России, оказывалось подчас не мало сильных покровителей...

Под давлением крайне возбужденного общественного мнения, требовавшего усиления артиллерийских заказов без всяких рассуждений, ГАУ пришлось отступить от намеченной программы и заказывать снаряды не только совершенно ничтожным заводам, но иногда даже не заслуживающим доверия аферистам, обещавшим быстро оборудовать новые предприятия.

Конечно, при таких условиях заводское оборудование, которое можно было достать, главным образом, за границей, и притом в очень ограниченном количестве, перекупалось по бешеным ценам спекулянтами и вырывалось у солидных заводов; точно также переманивался личный состав, по части которого заводы бедствовали с самого начала войны (как об этом подробно было сказано выше); наконец, началась злостная спекуляция с валютой, бороться с чем было очень трудно и военному ведомству и Кредитной канцелярии министерства финансов. Словом, началась та бешеная спекуляция на снарядах, подобной которой еще не видел свет и в результате которой расплодилось масса мелких, немоц-

ных в техническом отношении и просто дутых предприятий, поглощающих с поразительной прожорливостью и с ничтожной производительностью всякого рода оборудование, инструментальную сталь, металлы, топливо, транспорт, рабочие руки и технические силы, а также валюту.

Таким образом, вместо разумного и наиболее продуктивного концентрирования всех средств производства — их как будто нарочно распыляли по мелочам, вследствие чего почти все действительно солидные и мощные предприятия оказались лишенными возможности получить все им необходимое, а потому и вынуждены были значительно замедлить темп своего развития.

Здесь не безынтересно отметить, что первый толчок к этой спекулятивной горячке был дан самими высшими чинами военного ведомства — тогдашним военным министром и начальником Генерального штаба.

Вот как описывает это в своем показании Верховной следственной комиссии ген. Смысловский:

«9 (22) сентября (1914 г.) по приказанию ген. Сухомлинова у него на квартире были собраны представители тех заводов, которые могли бы изготовлять снаряды. Собрание это было довольно случайного характера, так как получив накануне приказание о вызове представителей, я мог только наскоро по телефону приказать пригласить их из числа тех, которые имели уже заказы. На собрании присутствовал министр торговли и промышленности. Собрание и совещание имело довольно поверхностный характер, причем ген. Сухомлинов предложил для более детального обсуждения вопроса собраться через день у помощника военного министра. Однако, во всяком случае, на этом собрании из обращения ген. Сухомлинова к заводчикам, да и самого необычного факта подобного совещания для заводчиков стало ясно, что государство очень нуждается в снарядах. Тут же, насколько помню, было отмечено, что вопрос о цене имеет второстепенное значение.

11 (24) сентября подобное же совещание состоялось на квартире у ген. Вернандера. На него заводчики явились в большем числе, причем присутствовал и не безызвестный Шпан *, впоследствии высланный в Сибирь. В течение целого вечера велось обсуждение вопроса и подсчет возможного выхода снарядов в месяц, которое, насколько припомню, определялось при полном развитии производительности до 500 000 в месяц (вместо требовавшихся уже в то время 1 500 000).

К концу вечера на совещание прибыл и. д. начальника Генерального штаба ген. Беляев с последнею телеграммою о требованиях на снаряды, полученной недавно из Ставки, и, ознакомившись с результатами подсчетов, стал чуть ли не кричать с пафосом и негодованием на мизерность предполагаемых поставок по сравнению с требованием армии и заявил о критической необходимости получать снарядов втрое больше, какою угодно ценою.

* Представитель немецких и шведских фирм по поставке станков и механизмов, инструментальной стали, биноклей и проч.

На меня, да полагаю и на всех представителей военного министерства, присутствовавших на заседании, это выступление генерала Беляева произвело удручающее впечатление. Я понимал прекрасно к тому же, что, несмотря на всю неутешительность определенного на заседании предварительного числа ежемесячной поставки, есть полная надежда ее дальнейшего увеличения, так как было ясно, что в такой короткий срок всех средств исчерпать и выяснить было нельзя. Это мое мнение и нашло себе подтверждение в дальнейшем. Полное раскрытие тайны ген. Беляевым только ухудшило дело, так как окончательно поставило поставщиков в положение хозяев, диктующих условия и цены, не говоря уже о колоссальном значении раскрытия истины в недостатке снарядов и в отношении несомненного повышения цен и в стратегическом отношении.

Вряд ли самый искусный шпион в то время мог оказать такую громадную услугу нашим противникам, обнаружив им истинное положение вещей, как это сделало выступление начальника русского Генерального штаба.

Я не ошибся в моих предположениях.

На другой день после заседания явился ко мне директор Петроградского металлического завода К. П. Федоров, бледный и взволнованный (к слову сказать, по всем моим впечатлениям один, если только не единственный, из наиболее честных директоров, с которыми мне только приходилось иметь дело).

Я не мог спать всю ночь после вчерашнего заседания, — сказал он мне. — Скажите, неужели у нас такое ужасное положение в армии относительно снарядов?».

Я старался успокоить его, насколько мог, уверяя, что начальник Генерального штаба погорячился и что в настоящее время, главным образом, хлопочут только о пополнении тех запасов, которые расходуются, и тому подобное.

«Ведь поймите, — продолжал Федоров, — что ведь немедленно после заседания во все концы мира полетели телеграммы о том, что Россия так нуждается в снарядах. Ведь теперь цены на все немедленно возрастут, и мы даже вовсе, может быть, не купим тех станков и прессов за границей, о покупке которых вчера толковали, так как они будут перекуплены».

Я не имею средств установить, насколько оправдались слова Федорова, но что повышение цен произошло немедленно, с достаточной наглядностью свидетельствует представление в Военный совет от 17 сентября, которым были утверждены все предложения на поставку снарядов по исключительно высоким ценам.

С этого времени для ГАУ начался положительно страдальческий период в отношении деятельности по заказам снарядов. Указанные два совещания и дача заказов по несообразно высоким ценам послужили как бы сигналом для повышения цен вообще, а вместе с тем к целому потоку различных предпринимателей, наводнявших ГАУ с многочисленными предложениями на поставку всевозможных предметов, в особен-

ности же на поставку снарядов; но при ближайшем ознакомлении со всеми этими предложениями в огромном большинстве случаев определенно выяснилось, прежде всего, явное стремление к легкой и скорой наживе, получению значительных авансов, но никак не желание помочь государству. Неоднократно начальник управления рекомендовал мне прекратить вовсе прием всех этих поставщиков, но я понимал, что этим я только вызвал бы протест, жалобы, давления свыше и тому подобные меры, почему в огромном числе случаев имел терпение выслушивать каждого посетителя и затем разъяснить ему несостоятельность или непригодность его предложения; в уважительных же случаях принимал предложения» *.

Но, к сожалению, не только ген. Смысловскому, а потом и начальнику ГАУ ген. Маниковскому не удавалось отпихивать не только мало надежные и слабо обоснованные с технической стороны, а иногда и совсем безнадежные и даже явно мошеннические предложения.

Таким образом, вместо того чтобы взять г.г. промышленников и разных спекулянтов в свои руки, военному ведомству пришлось самому попасть в их цепкие лапы и сыпать в их ненасытную и бездонную утробу сотни миллионов народного достояния, получая от них за это лишь ничтожную помощь в деле обороны...

При незнакомстве с делом изготовления предметов арснабжения и при отсутствии организаторских способностей у лиц, возглавлявших военное ведомство, происходила полная беспомощность этого ведомства настоять на действительно целесообразном решении, которое в условиях момента было единственно правильное, хотя и непонятное для тех широких кругов общества, которые, не зная всех сложных технических сторон производства, склонны были видеть залог успеха лишь в выдаче как можно больше заманчивых с виду заказов.

Неудивительно поэтому, что при таких министрах, какими были военный и торговли и промышленности, трудно было делу изготовления боевого снабжения попасть сразу на верный путь и твердо по нему следовать, что раз чуть ли не всякий проходимец мог своим наглым, явно безграмотным предложением, рассчитанным именно на невежество и царившую панику, сбить с толку главу ведомства и заставить его оказать давление на управление, выдающее заказы, в смысле отступления от правильно намеченной программы.

А вот удивительно, что подобные дела не прекратились и с образованием «Особого совещания по обороне государства», когда были собраны и наиболее видные представители Государственного совета и Государственной думы (по 10 человек, во главе с их председателями), и старшие представители всех ведомств и от всех общественных организаций (Центр. военно-промышленного комитета, Союза земств и городов, торговых и промышленных кругов), и, кроме того, особо приглашался целый ряд сведущих лиц, могущих быть полезными делу обороны страны.

* Показания ген. Смысловского Верховной следственной комиссии.

Мысль об учреждении Особого совещания по обороне принадлежала известному деятелю промышленных кругов Путилову, по мнению которого учреждение такого совещания из представителей от законодательных учреждений и от промышленности являлось единственным средством, чтобы «заставить артиллерийское ведомство работать надлежащим образом» *.

Провел это совещание председатель Государственной думы Родзянко, который с этой целью ездил в начале мая в Ставку с представителями от промышленности.

Родзянко доказывал, что деятельность совещания, при тесном сотрудничестве правительства с общественными силами **, «должна быть признана безусловно жизненной и обещающей полный успех» в деле боевого снабжения армии, которому мешают: 1) укоренившаяся в артиллерийском ведомстве рутинность ведения дел, способная затормозить всякое общественное начинание; 2) существование Особой распорядительной комиссии в. к. Сергея Михайловича, которая в силу ее полномочий может затруднить исполнение постановлений Особого совещания ***; 3) отсутствие в артиллерийском ведомстве надлежащего сближения с торгово-промышленными кругами.

Первое заседание Особого совещания состоялось 14 (27) мая 1915 г., а в начале июня царь утвердил «Положение об Особом совещании по обеспечению армии предметами боевого и материального снабжения». По Положению Совещание подчинялось непосредственно верховной власти, и «никакое правительственное место или лицо не могло давать ему предписаний и требовать от него отчетов». Председателем Совещания являлся военный министр, которому предоставлялись обширные права «разрешать производство заготовлений всеми способами и на всех признанных им соответствующими условиях без ограничения суммы» ****. О составе Совещания уже сказано.

И при таком блестящем составе этого полномочного Совещания дело обеспечения нашей армии боевыми припасами все же не только не двинулось тем темпом, на какой рассчитывалось при его образовании, а, напротив, во многих отношениях пошло хуже, чем если бы дело снабжения оставалось в руках самих довольствующих управлений.

И вот по каким причинам.

Во-первых, это Совещание было слишком многоголовым, чтобы быть рабочим и достаточно продуктивным, ибо—это уж бесспорная истина,—никакое практическое дело нельзя делать толком в собрании 50—60 человек, да еще такого разношерстного состава, каким было это Совещание.

Во-вторых, в этом огромном составе все же было очень мало людей, действительно понимающих военную технику и причины удовлетво-

* Мемуары А. А. Поливанова, стр. 161.

** Под ними надо подразумевать, главным образом, представителей капитала и промышленности.

*** Особая распорядительная комиссия была тогда же упразднена (см. выше).

**** Мемуары Поливанова, стр. 161.

рительности снабжения нашей армии и могущих указать меры, необходимые для его усиления. Зато было много таких, которые видели в этом Совещании, главным образом, орудие политической борьбы и в соответствии с этим и вели линию своего поведения. И так как таких было большинство и они были наиболее активными и наглыми, то военный министр, их ставленник, являвшийся якобы полным хозяином дел и при котором Совещание было лишь «совещательным» органом, на самом деле был послушным орудием в руках этих господ, которые и делали что хотели.

И хотя и представителей ведомств (военного, морского, финансов, государственного контроля, путей сообщения, торговли и промышленности) бывало на совещании не мало (до 25—30 человек), но так как они являлись вследствие установившейся с самого начала тенденции как бы подсудимыми и во всяком случае не смевшими своего суждения иметь *, то обыкновенно их мнение особого веса не имело.

Что же касается персонального состава Совещания, то нельзя не отметить, что среди него нельзя было указать ни на одно лицо, в полной мере обладавшее данными для того, чтобы действительно во всей глубине разрешить больной вопрос об усилении снабжения нашей армии. Не было и просто крупных людей, основательно знавших нашу военную промышленность и понимавших возможность использования частной для военных целей, несмотря на то, что в Совещании заседали два «бывших» министра торговли и промышленности и иногда являлся и третий (Шаховской). И вообще надо признать, что мировая война «героев» не родила; по крайней мере у нас в тылу она не выдвинула среди участников всех совещаний и их многоголовых комиссий и подкомиссий ни одного действительно крупного государственного деятеля с глубоким пониманием истинного положения вещей и с недожженным организаторским талантом. Все это были люди по преимуществу слова, кафедры и рисовки, привыкшие по каждому вопросу прежде всего «говорить» и говорить много, красиво, с «надрывом», причем каждый из них совершенно искренне считал, что если он «хорошо сказал» и произвел на слушателей ожидаемое «впечатление», то он свое дело сделал,—и глядел победителем. Каковы же будут дальнейшие результаты его говорения — это его по существу мало озабочивало...

Конечно, нельзя утверждать, что в Особом совещании по обороне не было совсем людей, понимавших дело и бывших в состоянии помочь ему; но, к сожалению, это были или совсем маловлиятельные люди или же прикосновенные к «промышленности», а потому и заинтересованные больше всего в извлечении из войны личных выгод.

Большинство же Совещания, как уже было упомянуто выше, состояло из общественных деятелей, которые ставили себе определенную задачу — доказать во что бы то ни стало, во-первых, полную несостоятельность военного ведомства в деле обеспечения армии боевыми припасами, а во-вторых, что все спасение родины — в руках

* За самыми редкими исключениями.

только их, общественных деятелей. Поэтому, не останавливаясь решительно ни перед чем, даже перед ущербом для снабжения армии, все эти господа повели такую бешеную кампанию против военного министерства в частности, и особенно против ГАУ, что всякому мало-мальски непредубежденному члену Совещания было ясно, что при этом неизбежно должно будет пострадать, и притом существенно, само-то дело, ради которого, якобы, ратовали эти печальники за нашу родину.

Все, кто противился такой политике Особого совещания и старался доказывать, что и главные управления тоже кое-что делают, а главное, могут сделать значительно больше, если только им не будут мешать, не будут их травить и ставить их в тиски бесчисленных комиссий (подготовительных, междуведомственных, наблюдательных, контрольных) и из-за всякой мелочи устраивать им публичные инквизиции в пленуме Совещания, — все такие протестанты безжалостно изгонялись из Совещания и из управлений, как «вредные» люди старого бюрократического режима, неспособные проникнуться новыми веяниями и виновные во всех наших бедах. Таким именно образом был удален из ГАУ ближайший помощник начальника ГАУ по делу снабжения—ген. Смысловский. Начальник ГАУ заявил военному министру, что от этого будет явный ущерб делу снабжения армии, что с начавшимся бегством, вследствие создавшегося положения, из ГАУ лучших работников и невозможностью привлечь на службу в него при таких условиях новых,—ген. Маниковский, сам совершенно новый человек у этого сложнейшего и важнейшего дела, будет поставлен с уходом ген. Смысловского в крайне тяжелое положение. Ген. Поливанов ответил, что он сам лично очень ценит ген. Смысловского, не верит ни одному слову возводимых на него обвинений и что, кроме того, понимает ущерб для дела от его ухода, но что уйти ему нужно, так как Родзянко и Гучков настаивают на этом. После этого, ген. Маниковскому было предложено удалить еще ряд служащих ГАУ, против которых не выдвигалось никаких конкретных обвинений, кроме того, что у такого-то члена Совещания (чаще всего у Родзянки, Протопопова, Гучкова, Шингарева, Милюкова, Коновалова) имелись какие-то «обоснованные» подозрения.

Когда же ген. Маниковский требовал вместо подобного удаления предать виновного суду, это не делалось по причинам, неизвестным начальнику ГАУ. Но так как ген. Маниковский не соглашался на изгнание своих подчиненных по одним каким-то подозрениям, то в ГАУ начались визиты буквально каждый день чинов Главного военно-судного управления с поручениями военного министра произвести расследование по целому ряду дел. Эти расследования длились все время, пока военным министром оставался ген. Поливанов, и в результате, несмотря на все усердие производивших дознание, видимо специально инструктированных и получавших указания не от одного военного министра, ни один из чинов ГАУ суду предач не был.

Конечно, разные упущения найдены были, но разве можно было работать без упущений в таких условиях, когда, с одной стороны, тре-

буются величайшая поспешность и решение дела только по существу, а с другой — поверяющие ведомства продолжают попрежнему настаивать на соблюдении всех законных формальностей, а при всем этом со стороны общественного мнения — щедрые обвинения во взяточничестве и чуть ли не в государственной измене. И как можно было спокойно и плодотворно работать, когда буквально не проходило дня, чтобы не было какого-либо «расследования»: то чин Главного военно-судного управления по приказанию военного министра; то член наблюдательной комиссии Особого совещания; то следователь Верховной комиссии; то срочная справка для подготовительной артиллерийской комиссии; то документы для сенатора Гарина, специально назначенного помощником военного министра для предания суду всех «преступных элементов» главных управлений... А тут еще — неумолчный гул осуждений со стороны всего общества и резкие обвинения из армии.

Всякому ясно, как трудно было работать ГАУ и его начальнику при таких условиях. Это было прямо сверх человеческих сил, и действительно, кто только мог, бежал из этого ада *, а привлекать новые силы, и притом порядочные, при подобных условиях было невозможно. Конечно, было не мало охотников «окопаться» в стенах ГАУ от посылки на фронт или в надежде половить рыбку в мутной водичке, но ведь не таких же «работников» нужно было ГАУ. Даже вполне приличные строевые офицеры — и тех могли бы взять только на самые второстепенные места, так как все мало-мальски ответственные должности требовали работников, уже хорошо освоившихся с трудной техникой дела: удовлетворения потребностей армии самыми сложными видами боевого снабжения, а с большинством из них могли справиться только лица с высшим артиллерийским образованием. Обо всем этом ген. Маниковский неоднократно докладывал ген. Поливанову, но ни он, ни Особое совещание знать ничего не хотели и продолжали свою травлю ГАУ, не доверяя ему, мешая ему проводить свою программу и стараясь при всяком удобном и неудобном случае подчеркивать, что если что делается для армии, то только потому, что все дело взяли в свои руки «общественные деятели», отстранив от него ГАУ.

При таких условиях естественно, что ГАУ было бессильно бороться с нахрапом тех алчных предпринимателей, которые организовали крестовый поход на казенный сундук под видом спасительных для армии предложений на поставку 76-мм шрапнелей, так как получившие отказ знали куда теперь апеллировать: они являлись к Родзянко (или к Гучкову, или еще к какому-либо из членов Особого совещания), проливали несколько гражданских слез и заявляли жалобу на ГАУ. В ближайшее же заседание Особого совещания Родзянко или Гучков разражался филиппикой против ГАУ, громил рутину, косность и предательство чинов его и требовал немедленной выдачи заказа, хотя и по несообразно высокой цене и с выдачей крупного аванса, хотя и без надежных гарантий со стороны подрядчика.

* См. выше приложение III.

И выдавали, несмотря на протест ГАУ и предсказания, что из этого ничего, кроме извода казенных денег, не выйдет.

Правда, скоро и само Особое совещание убедилось в справедливости этих предсказаний, но, конечно, в своих ошибках не повинилось, а лишь ввело для обеспечения интересов казны такой корректив: впредь выдавать аванс (до 65% от суммы заказа — это вместо-то залога, который должен был вносить сам подрядчик по нашим законам, действовавшим до войны) подрядчикам, не имевшим законного обеспечения, только под гарантию банка. Вот откуда началось полное закабаление нашей промышленности банками, которые, выдавая свои гарантии, конечно, не за маленькие проценты, преследовали исключительно свои ростовщические цели, нисколько не считаясь ни с состоянием попавших к ним в сети заводов, ни с интересами обороны: им только вынь да положь день в день следуемые им проценты, иначе заводу угрожали печальные последствия, законом предусмотренные. И заводы должны были платить, так как знали, что банки с ними шутить не будут. Конечно, при таких условиях ни одно промышленное предприятие не могло развиваться сколько-нибудь нормально, так как заботы о предстоящем платеже в банк висели над ними дамокловым мечом и при этом, конечно, было уже не до правильной постановки и усовершенствования производства, всегда требующих лишней затраты, а напротив, приходилось выжимать все, что только можно было выжать, хотя бы ценой понижения качества работы и явно вредной для дела перегрузки производства.

Выгодна была такая система только для дутых предприятий, которые заранее знали на что шли и которые так изоцпались в подстраивании разных «форс-мажеров» (которых, по правде сказать, было и без того более чем достаточно почти с самого начала войны), что стали по этой части положительно виртуозами, состязаться с которыми было явно не по силам нашим казенным юрисконсультам. Поэтому только в редких сравнительно случаях удавалось поймать, что называется, за хвост этих ловких аферистов, и тогда страдал, конечно, банк, который, однако, в накладе не оставался, ибо математически учитывал вероятность подобных неприятностей соответственной надбавкой % ‰ на все выдаваемые им «гарантийные письма» и с лихвой компенсировал изредка получавшиеся убытки.

Но кто всегда оставался в накладе от этих афер — это армия, не получавшая снарядов, несмотря ни на безумные цены на них и ни на всякие авансы и прочие льготы для бесстыдных подрядчиков.

Не будем останавливаться на отдельных эпизодах этих отвратительных вакханалий, особенно с 76-мм снарядами, так как для этого пришлось бы потратить много времени и места; в общем о таких пароксизмах ажиотаж уже сказано в других местах этого труда; в частности же, т.е. конкретными примерами по этой части полны дела как ГАУ, так и наблюдательной и артиллерийской подготовительной комиссии Особого совещания по обороне; буквально не было ни одного заседания этого совещания без того, чтобы не докладывалось о целом ряде неисправных поставщиков,

из коих большинству место было, конечно, на скамье подсудимых. В ГАУ им велся специальный список *.

Руководить внутри страны весьма трудным и сложным делом снабжения действующей армии должны были министры — военный и торговли и промышленности. Но раз они этого не в состоянии были сделать, то помочь делу можно было не созданием десятков многолюдных совещаний и комиссий, а введением всеобщей промышленной повинности и решительным разрывом с прежним мертвящим бюрократизмом и формализмом и путем надлежащего расширения прав начальников главных снабжающих управлений. Конечно, выбор этих начальников должен был быть сделан в соответствии с возлагавшейся на них задачей, но затем уж им должна была быть предоставлена значительная свобода действий при каком угодно контроле со стороны и прямого начальства, и поверяющих ведомств, и еще кого угодно. Но только эти г.г. контролеры не должны были стеснять инициативу и распоряжения того, от кого зависит весь ход дела и кто один несет на себе всю ответственность за успех его.

Сделали же как раз наоборот: посадили над начальниками каждого главного управления подготовительную комиссию, междудеятельное совещание, наблюдательную комиссию, особое совещание; все эти инстанции стремились разыгрывать роль не только опекунов, но и настоящих хозяев положения и вершить все дела, оставляя на долю начальников главных управлений только одну ответственность...

Таким образом, начальники главных управлений оказались в самом тяжелом положении: им приходилось вести непрерывную и упорную борьбу одновременно на несколько фронтов, причем самое ужасное в их положении было то, что тогда им была совершенно неясна создававшаяся конъюнктура и они не понимали, чего же собственно от них требуют.

В конечном результате при таком положении начальники главных довольствующих управлений перестали быть хозяевами вверенного им дела и являлись лишь приказчиками Особого совещания по обороне, а потому с момента создания сего последнего с них должна была быть снята не только материальная, но и всякая моральная ответственность за результаты снабжения армии, которое определено велось не по правильному пути. И если тем не менее в некоторых областях этого снабжения результаты получались не очень плохие, то надо отметить, что это случилось не «благодаря Особому совещанию», а «несмотря на Особое совещание».

Правда, в результате 76-мм снарядов мы получили много (хотя и не очень скоро), и наша армия в 1916 г. оказалась ими явно пресыщенной. В то время, как по части тяжелых снарядов недостаток, и притом острый, ощущался до самого конца войны. И все это произошло оттого, что само дело снабжения в корне было поставлено неправильно: вместо того, чтобы сосредоточить его всецело в руках одного ответственного хозяина — мини-

* См. архив быв. ГАУ и архивы б. Особого совещания по обороне и Верховной следственной комиссии.

стра снабжения, снабдив его при этом всеми необходимыми, хотя бы диктаторскими правами и полномочиями, его обратили в какого-то, полномочного только на бумаге, председателя Особого совещания по обороне, оказавшегося всецело в руках политических и финансовых дельцов, довольно равнодушных, в сущности, к вопросам обороны. При такой постановке дела вполне естественно, что и начальники главных снабжающих управлений, в частности и артиллерийского, оказались связанными по рукам и ногам и, конечно, только с величайшими затруднениями могли кое-как влиять на дело снабжения армии. О расширении их прав против положенных по законам мирного времени и думать было нельзя, ибо Особое совещание считало это не только ненужным, но даже вредным. А каковы были эти «права мирного времени»? У начальника ГАУ хозяйственных прав было меньше, чем у г.-м. Ванкова *, чем у председателя какой-либо строительной комиссии, чем у любого начальника завода... У него просто не было никаких прав, и он за всякой мелочью должен был лазить в Военный совет, а потом в Особое совещание по обороне, при этом через подготовительную комиссию.

Как же при таких условиях он мог проявлять свою инициативу и вестись, в широком смысле слова, боевым снабжением армии? Ведь даже в самом маленьком деле и то без свободы действия для его хозяина получить сколько-нибудь удовлетворительные результаты немыслимо. Все права по заготовлению предметов для снабжения действующих армий и флота надо было дать единому министру снабжения (как это и было у всех наших союзников), а он уже распределял бы их по ведомствам и главным управлениям сообразно с общим планом снабжения армии и флота **. У нас же вместо этого создали ряд политиканствовавших говорилен, в действительности никем не объединенных, лицедействующих собою прежнюю «ведомственность» со всеми отвратительными грехами старого режима: разного рода трениями, бюрократической рутинной и разногласицей, и ни в какой мере не выполнивших роли того «объединяющего и руководящего» органа, который имелся в виду при создании этих совещаний и который действительно был так необходим для армии и всей страны.

После победы на Марне, в сентябре 1914 г., французы убедились в решающем значении артиллерийского огня и в необходимости увеличения производства снарядов до небывалых размеров, о которых до того в мирное время и не помышляли.

Во Франции к приготовлению снарядов была привлечена вся ее частная промышленность, каждый станок должен был работать на армию. В самом начале этой работы выяснились технические неудобства раздро-

* Об организации ген. Ванкова см. ниже. У нас о министре снабжения речь зашла только после февральского переворота, за несколько недель до начала весеннего оживления военных действий на фронте, т.-е. тогда, когда такая коренная ломка как-никак установившегося ее режима могла принести только вред делу.

** В июне 1916 г. в Ставке был возбужден вопрос о верховном министре госуд. обороны (см. приложение 28).

бления ее между мелкими заводами и мастерскими, вследствие трудностей руководства и наблюдения за работами, большого процента брака и проч. Препятствия эти были устранены путем соединения небольших заводов и мастерских в более крупные или объединения их около крупных, а также другими соответствующими мерами. Французская промышленность быстро приспособилась к новому производству, количество изготавливаемых ею снарядов стало расти изо дня в день *.

Почти одновременно, осенью 1914 г., и в русской действующей армии определилась большая нужда в снарядах (см. выше, т. I, ч. IV Б.); потребовались чрезвычайные меры для спасения от угрожающих последствий снарядного голода.

Тогда, по инициативе находившихся во Франции представителей русской армии, французское правительство отправило в Россию особую миссию из французских артиллеристов, инженеров, техников и химиков (всего 14 человек во главе с артиллерийским офицером Пию).

Назначение миссии состояло, главным образом, в том, чтобы помочь России организовать в крупном масштабе производство снарядов, пользуясь опытом Франции.

Приемом имелось в виду избежать чрезмерного разбрасывания заказов по мелочам, применять необходимые меры к облегчению работы неопытным промышленникам, упорядочить недостаточно оборудованные организации и проч.; словом, извлечь наибольшую пользу из наличных ресурсов страны, чтобы возможно меньше обращаться к содействию иностранной промышленности.

Миссия прибыла в Петроград 17 (30) января 1915 г.; она была принята в ГАУ скорее с недоверием, чем с симпатией.

Гранаты французского образца изготовлялись цельно-корпусными, т. е. без отдельной винтовой головки, и снабжались взрывателями особого типа.

В отношении безопасности французские гранаты уступали нашим; имелись сведения о случаях разрыва их в каналах орудий на фронте французских армий.

Ввиду этого председатель Особой распорядительной комиссии, стоявшей первоначально во главе дела, представил решение вопроса о целесообразности установки у нас способа фабрикации 76-мм гранат на усмотрение главковерха.

13 (26) марта 1915 г. главковерх ответил следующее: «Производительность всех работ артиллерийского ведомства должна вестись и быть доведена до максимума в наискратчайший срок. Лишнего нет ничего. Выдвигать всеми способами, привлечь французов, но чтобы порох был безопасный» ** (не порох, а взрывчатое вещество).

* Baquet, Souvenirs d'un direction d'artillerie, 1922. Paris. Ребуль, Военные производства во Франции в 1914—1918 г., перев. с французск. В. Э. Гермониуса, 1926. „Промиздат“.

** „Отчет о деятельности Особой распорядительной комиссии по артчасти“, стр. 27.

Тогда председатель Особой распорядительной комиссии предложил начальнику ГАУ сделать все необходимые распоряжения по изготовлению гранат по французскому образцу на заводах, которые перед тем уже были осмотрены комиссией с участием французов и начальника Брянского арсенала ген. Ванкова, и просил назначить последнего главным руководителем всего этого дела.

В том же марте месяце Артком, среди членов которого существовала явная оппозиция принятию иностранных образцов, закончил рассмотрение чертежей и технических условий на изготовление всех частей французской гранаты (впоследствии эти чертежи и условия подверглись пересмотру и изменениям по требованиям заводского производства).

Лишь три месяца спустя по прибытии французской миссии в Россию разрешен был Военным советом первый заказ на изготовление только одного миллиона 76-мм гранат по упрощенному французскому образцу *.

Заказ был ограничен этим количеством из осторожности как в отношении безопасности французских гранат, так и потому, что данных уже заказов на снаряды считали достаточными, кроме того, опасались, что для новых снарядов может не хватить пороха и взрывчатых веществ.

Но затем, начиная с июня 1915 г. по март 1917 г., ген. Ванков получил еще 23 разных наряда и не только на 76-мм гранаты, но и на гаубичные бомбы разных калибров и даже на снаряды для Румынии.

К 1 (14) июля 1918 г. с начала производства (апрель 1915 г.) масштаб заготовления организации ген. Ванкова определился в сумме: для русской армии — до 16 миллионов 76-мм гранат французского образца, 700 000 — 152-мм и 375 000 — 122-мм бомб; для Румынии 360 000 — 57-мм, 90 000 — 105-мм, 540 000 — 75-мм и 200 000 — 155-мм бомб. Кроме того, для нас пробные партии 50 000 — 8-дм., 10 000 — 11-дм. и 10 000 — 12-дм. бомб сталистого чугуна; причем общая стоимость заготовления одних французских гранат превысила 470 млн. рублей.

Заготовление 76-мм гранат в России зиждилось, главным образом, на тех заводах, которые еще в мирное время были приспособлены к изготовлению снарядов, имели для этой цели не только готовое оборудование, но, что еще важнее, готовые кадры руководителей. Ген. Ванкову поручено было производить заготовление только на тех заводах, которые ранее не были использованы для изготовления снарядов, как к тому вовсе не приспособленные. Поставить новое производство несравненно труднее, чем расширить существующее. Ген. Ванкову пришлось создавать производство французских гранат почти из ничего: не было ни готового оборудования, ни руководителей, ни рабочих.

Организации ген. Ванкова удалось в кратчайший срок достигнуть осязательных результатов для действующей армии в виде все увеличивающегося поступления в начале 76-мм гранат, а затем уже 152-мм и 122-мм бомб. Быстрый рост изготовления организацией ген. Ванкова с начала производства по 1 (13) января 1918 г. виден из следующей таблицы:

* История организации уполномоченного ГАУ ген. С. Н. Ванкова по заготовлению снарядов по французскому образцу 1915—1918 гг., стр. 14—16.

ТАБЛИЦА 1.

Наименование предметов	Сроки изготовления		
	К 1/I 1916 г.	К 1/I 1917 г.	К 1/I 1918 г.
Корпуса 76-мм гранат	600 795	7 593 991	13 683 334
Запальные стаканы	301 105	5 257 850	12 250 865
Детонаторные трубки	114 755	4 219 875	8 408 235

Сверх показанного в этой таблице изготовлено было к 1 января 1918 г. еще 488 487 корпусов 152-мм и 104 956 корпусов 122-мм снарядов, 730 294 запальных станков 152-мм и 646 512 запальных станков У. С. (удушающих средств).

Место, какое занимала организация Ванкова среди общего изготовления в России 76-мм снарядов, определяется следующими сопоставлениями. В сентябре 1915 г. ею сдано 3,9% общерусского производства 76-мм снарядов, в январе 1916 г. 11,6%, а в марте 28,2% (326 270 из 1 155 000). Если же сопоставить прирост производства организации Ванкова с приростом общерусского производства, то прирост организации Ванкова в сентябре 1916 г. 28% прироста общего производства, а в марте 1917 г. 175%.

С мая 1915 г. по январь 1918 г. ген. Ванковым было заключено 442 договора с различными многочисленными предприятиями, включенными в его организацию.

В состав организации вошли как крупные заводы и предприятия: общество Коломенского завода, Густав Лист, Донецкое и Краматорское металлургические общества, общества Мальцевских заводов, Русской железопрокатной промышленности и трубопрокатных заводов, Паровозостроительное и механическое общество, Южно-русское днепропетровское общество, товарищество Кольчугина, Тверская мануфактура, Викула Морозов, Д. П. Рябушинский, Н. А. Второв, Компания Зингер, Р. Т. Эльворт, общество «Динамо» и т. д., так и мелкие заводы и мастерские, объединяемые и не объединяемые военно-промышленными комитетами; при этом в организацию входили не только металлургические и механические заводы и предприятия, но и мануфактурные, оптические, штамповальные и т. д.

Предприятия эти были сведены в местные районы, во главе которых были поставлены заведывающие; районы открывались по мере надобности в местном объединении заводов. Таких районов было открыто 7: Московский, Южный, Тамбовский, Петроградский, Одесский, Киевский, Ярославский. В одном Московском районе объединено было около 100 заводов, мастерских и комитетов; в Одесском до 70 предприятий, по большей части мелких мастерских Одесского областного военно-промышленного

комитета; в Киевском 56 заводов и мелких мастерских и т. д. Кроме того, по заказам организации Ванкова работали отдельные военно-промышленные комитеты и заводы, не объединившиеся в районы.

Для организации производства заводы были подразделены на группы: одна группа — для подготовки стали, другая — для изготовления корпусов гранаты, третья — для изготовления запальных стаканов взрывателя, четвертая — для изготовления ударных (детонаторных) трубок, пятая — для снаряжения снарядов и проч.

Во главе каждой группы имелся завод с руководителями-специалистами, на котором давались разъяснения и производились всякого рода испытания.

Организация Ванкова принимала необходимые меры к устранению разного рода препятствий к правильному производству и развитию работ, а именно: а) урегулирование очереди и порядка исполнения срочных заказов разных ведомств — морского, интендантского, инженерного и проч.; разрозненные действия ведомств доходили до того, что одно из ведомств начало реквизицию станков в Московском районе, вследствие чего возникло даже опасение, что работа райсна совершенно прекратится; б) освобождение рабочих-специалистов от призыва на службу в войска и возвращение заводам мастеровых-ратников и запасных, находящихся в тыловых войсковых частях и командах; в) урегулирование снабжения заводов топливом, материалами и машинами и оказание им содействия в деле перевозки; еще на предварительном совещании заводчиков Московского района, происходившем в феврале 1915 г., выяснилось, что в течение месяца было доставлено донецкого угля только 22% затребованного и разрешенного горнозаводским комитетом количества, что из Архангельска не доставляются давно туда прибывшие из-за границы станки и проч.; г) устранение разного рода затруднений технического характера, встречающихся при заводском производстве. При этом организация ген. Ванкова заняла совершенно самостоятельную позицию, независимую от арткома ГАУ в экспериментально-техническом отношении по вопросам, касающимся контроля и пригодности стали для снарядов, выяснения причин разного рода пороков материала в снарядах, исследования и установления пригодности новых материалов для снарядов (сталистый чугун) и т. п. В этой работе организации Ванкова пришли на помощь научно-технические силы Москвы, в особенности профессора, преподаватели и лаборатории Высшего московского технического училища.

При изготовлении снарядов организацией Ванкова был избран как более отвечающий обстоятельствам дела, по своей гибкости и применимости к обстановке, и вместе обеспечивающий интересы казны, так называемый прежним законом «комиссионерский способ изготовления» *, но с некоторыми отступлениями.

Этот способ изготовления обыкновенно применялся к предметам второстепенного для армии значения и в сравнительно небольших размерах.

* Св. В. П. 1869 г., кн. XVIII, изд. 2, ст. 103—130.

Заготовление гранат по французскому образцу организацией Ванкова представляло первый и чуть ли не единственный и притом удачный опыт применения «комиссионерского способа» в отношении предметов первостепенной важности и в чрезвычайно широком размере.

По мнению ген. Ванкова, организация порученного ему дела должна была бы напоминать как бы организацию крупного промышленного предприятия с директором-распорядителем во главе. По его мнению, канцелярская волокита могла убить дело; стоящее во главе дела лицо должно было «иметь право на месте решать бесповоротно и окончательно все возникающие экономическо-хозяйственные и технические вопросы». Лицо без таких широких полномочий не могло бы, по мнению Ванкова, добыть потребные сырые материалы и топливо без вредных задержек, какие в то время постоянно происходили даже с казенными грузами.

Просимые ген. Ванковым права и полномочия были ему предоставлены далеко не в полном объеме.

Уже в июне 1915 г. выяснилось, что для преодоления всех постоянно возраставших препятствий совершенно недостаточно полномочий, предоставленных ген. Ванкову, вследствие чего он 15 (28) того же июня обратился к начальнику ГАУ с следующим официальным письмом за № 11 *:

«1. Необходимо, чтобы все секвестрованные на юге России и в средней России заводы были переданы мне для установки на них производства гранат или помощью передачи их другим работающим гранаты заводам или при помощи установки на них работ наймом техников и потребных мастеровых. Такие заводы ныне совершенно бездействуют.

2. Необходимо дать власть на предмет секвестра станков, приборов и машин, а если нужно, то и секвестра и реквизиции всех заводов, которые по тем или иным соображениям замедляют производство гранат или не желают изготовлять их.

3. Необходимо устранить конкуренцию на заводах дачей нарядов на гранаты разными организациями или лицами. Эта конкуренция повышает цены и может удлинить срок.

4. Необходимо предоставить мне право брать артиллерийских и других техников по моему усмотрению со всех заводов и учреждений. Мне нужны еще 40 артиллерийских техников или прапорщиков-инженеров, так как по числу $13 + 36 = 49$ заводов прикомандированных ко мне 9 прапорщиков, из которых 3 химика, крайне недостаточно для этих 49 заводов, привлеченных мною к работе по заготовлению гранат.

5. Предоставить мне право устранять администрацию частных заводов, которые по каким-либо соображениям замедляют производство снарядов, и ставить на ее место военную или гражданскую администрацию.

6. Необходимо централизовать по исполняемым заводами нарядам все отделы военного и морского ведомств в руках уполномоченного.

* История организации ген. Ванкова, стр. 2—3, 6—13, 32—35, 92—119, 136, 157, 193, 207—217.

7. Необходимо закрепить мастеровых разных цехов к заводам без права перехода с одного завода на другой без разрешения военной администрации завода, дабы рабочие не переходили с завода на завод из-за увеличения платы.

8. Крайне желательно и полезно об'явить все заводы московского и киевского округов мобилизованными на военном положении. Ни один завод без разрешения уполномоченного не должен работать.

9. Ни один станок, ни один предмет без разрешения уполномоченного с этих заводов не может быть забираем или секвестрован.

10. Ход и порядок работ на всех заводах московского и киевского округов устанавливается уполномоченным.

11. Необходимо устранить задержку в даче вагонов для доставки топлива и материалов заводам.

12. Необходимо освободить от явки по мобилизации мастеровых — ратников 2-го разряда, работающих на заводах, выполняющих срочные заказы по изготовлению снарядов, дабы этим призывом не обессиливать рабочий персонал заводов.

13. Необходимо вернуть, насколько это возможно, токарей и инструментальщиков-специалистов из войсковых частей и командировать их, оставляя на военной службе, на заводы, работающие на государственную оборону, с таким расчетом, чтобы использовать полностью имеющееся оборудование заводов, если возможно, работая тремя сменами рабочих по 8 часов, т.-е. все 24 часа в сутки.

14. Из ежемесячной работы с заводчиками выясняется польза выдавать им заказ по их оборудованию на более продолжительный срок, примерно, около одного года.

Вот те вопросы, которые за два месяца усиленной работы пред'явила мне к разрешению сама жизнь. Многие из этих вопросов оставались неразрешенными за неимением права разрешать их.

Быть может, для мирного времени о них и писать нельзя, но по обстоятельствам военного времени вопросы эти должны быть рассматриваемы и разрешаемы быстро, решительно и окончательно, дабы не задерживать производства».

И ген. Ванков до известной степени был прав и был бы прав вполне, если бы наша армия нуждалась только в том предмете, изготовлением коего ведал он, т.-е. только в корпусах и взрывателях для 76-мм гранат (французского образца). Но так как, кроме них, армии нужно было еще очень многое даже для составления того же выстрела (именно еще: гильзу, капсюльную втулку, заряд пороха и заряд взрывчатого вещества), а кроме того и другие «выстрелы» (для других крупных калибров) и другие предметы (винтовки, пулеметы, орудия, лафеты, порох, взрывчатые вещества и т. д.), то, конечно, всех просимых Ванковым прав предоставить ему полностью было нельзя.

Их надо было поделить между всеми заготовителями всех предметов снабжения армии и флота согласно удельному весу каждого из них, что мог бы и должен был сделать единый министр снабжения, если бы такой тогда у нас был.

По поводу организации Ванкова существуют разные мнения. Сам начальник ГАУ ген. Маниковский упрекал С. Н. Ванкова, что он не сокращал производства 76-мм снарядов и всячески развивал его в ущерб производству тяжелых снарядов в то время, когда потребность армии в 76-мм снарядах была уже удовлетворена (см. выше). А. А. Свечин, говоря в своей «Стратегии» о мобилизации промышленности, подчеркивает даже вред организации Ванкова *.

Несомненно, что чрезмерно широкое одностороннее развитие организации Ванкова шло в ущерб развитию русской промышленности по изготовлению многих других предметов боевого снабжения и в первую очередь тяжелых снарядов. Но во всяком случае упреки в этом С. Н. Ванкова обращены не по адресу. В этом прежде всего повинен был военный министр с его Особым совещанием, от которых зависело определение рода и количества предметов снабжения армии, подлежащих заготовлению, и распределение заказов. Что же касается С. Н. Ванкова, то он с исключительным успехом выполнил данное ему свыше задание и дал весьма поучительный пример в истории русской промышленности, показав как возможно и нужно ее использовать в отношении производства даже таких предметов боевого снабжения, к изготовлению которых она совершенно не была подготовлена.

Относительно упорства Особого совещания в широкой раздаче заказов на 76-мм снаряды своим «общественным организациям» в ущерб изготовлению тяжелых снарядов уже говорилось. Надо полагать, что организация Ванкова также успешно выполнила бы заказы на тяжелые снаряды, если бы стала получать их не с мая 1916 г., а одновременно с заказами 76-мм гранат, т.-е. годом раньше.

В работах организации ген. Ванкова по заготовлению снарядов по французскому образцу сыграла большую роль, в положительном смысле, французская миссия. Участие ее в работах организации Ванкова было действительной помощью, оказанной России быв. ее союзницей Францией.

Совсем другого сорта «помощь» оказывали России ее бывшие союзники — в первую очередь Англия и затем Америка при заграничных заказах снарядов.

Вокруг заграничных заказов разыгралась еще более отвратительная спекулятивная вакханалия, чем при заказах снарядов в России.

Осенью 1914 г. в Петрограде появилось множество разных «представителей», нередко из весьма подозрительных темных личностей, которыми вскоре была населена чуть ли не вся гостиница «Астория».

В области приобретения предметов боевого снабжения заграницей встретились большие затруднения, потребовавшие от ГАУ и от Особой

* А. Свечин, Стратегия, Гвиз 1926 г. 1-е изд., стр. 94—97.

распорядительной комиссии чрезвычайной осторожности и осмотрительности.

Стало поступать множество предложений поставок предметов боевого снабжения из-за границы, которые или вовсе не существовали или принадлежали не тем лицам, которые предлагали их продать. Часто на одни и те же поставки поступало несколько предложений от разных лиц и по разным ценам, причем все эти лица старались обеспечить свои предложения разнообразнейшими документами, ссылками на подставных лиц и т. п. Образовывались, повидимому, целые общества и финансовые группы «с целью продать несуществующие предметы за наличные деньги».

Нашим военным агентам приходилось исполнять несвойственную им сложную коммерческую работу по ориентировке в том, какие из бесчисленных предложений боевых припасов являются заслуживающими внимания и т. д. Пришлось командировать из ГАУ особых специалистов, которые вели дело покупок предметов артснабжения независимо от военных агентов, и без того перегруженных работой *.

По поводу вакханалий с заграничными заказами снарядов ген. Смысловский показывал Верховной следственной комиссии следующее:

«Некоторые из этих представителей были рекомендованы ГАУ лицами, занимавшими видное общественное и служебное положение. Так, представитель прославившейся своими мошенническими проделками американской фирмы Чарльз Флинт был рекомендован солистом его величества Н. Н. Фигнером, который сам занимался поставками каменного угля; Живатовский, подозревавшийся в одновременной поставке и нам и Германии, посаженный впоследствии за какую-то недобросовестную проделку в тюрьму, бравшийся поставлять все, что угодно и откуда угодно, приведен был лично генералом Вогаком, бывшим нашим военным агентом в Китае, и директором Русско-азиатского банка и Путиловских заводов А. И. Путиловым; капитан Мэкки, представитель фирмы Аллисона — великобританским посольством в Петрограде и генералом великобританской службы Вильямсом, состоявшим в Ставке; петроградский портной Джонс поддерживался бывшим товарищем председателя Государственной думы А. Д. Протопоповым; бельгийский консул Гейдеман однажды явился в управление с визитной карточкой ген. Сухомлинова; и Кнаап и Цимдин, доверенные капитана Мэкки, рекомендовались Сухомлиновым и, насколько помнится, министром финансов Барком.

Была сделана попытка объединения действий по заграничным покупкам с министерством торговли и промышленности, но окончилась неудачей. Выяснилось, что для нужд общей промышленности министерство это само с трудом справляется на те средства, которые ему были отпущены, почему даже сырые материалы, необходимые для предметов вооружения, изготовлявшихся на частных заводах в России, артиллерийское ведомство принуждено было приобрести само. К тому же, насколько известно, министерство торговли прибегло к посредству чуть ли не

* Отчет Особой распорядительной комиссии по артчасти, стр. 43, 44.

того же Живатовского, упомянутого выше, цены которого были выше тех, по каким приобретались те же материалы артиллерийским ведомством.

Политическая обстановка складывалась тоже весьма неблагоприятно: союзные державы сами были в большой нужде; нейтралитет скандинавских государств имел характер к нам неблагоприятный; в отдаленной Америке, промышленность которой с первых же дней войны была захвачена Англией, Францией и Германией, шли колебания относительно признания предметов вооружения военной контрабандой, не подлежащей вывозу.

Только одна Япония тотчас же пошла нам навстречу, предложив производить изготовления в Америке через ее посредство, почему в Токио тотчас же была командирована комиссия специалистов под председательством ген. Гермониуса, распространившая затем свою деятельность и на Америку.

Дело военных заказов за границей приходилось создавать заново.

Что и говорить, положение создалось не легкое. Однако выход из него был тот самый, к которому все равно пришлось притти в конце-концов, а именно: обращение к союзным правительствам с просьбою взять дело наших заказов в свои руки через специальные наши комиссии при их министерствах снабжения. И чем раньше и организованнее мы это сделали бы, тем скорее и выгоднее мы использовали бы рынки наших союзников и не так безнадежно попали бы к ним в кабалу, как это случилось позже, когда нужда, что называется, приперла нас к стенке и когда уже мы должны были итти на всякие условия. Обойтись же совсем без участия хозяев тех стран, куда мы совались во время разгара войны, было, конечно, невыносимо. Наивно было думать, что мы сможем через каких-то «представителей-аферистов» что-то урвать из-под носа у наших союзников на их же рынке, если они сами не захотят дать нам что-либо. Да еще у таких союзников, как наши, которые сами норовили сорвать с нас что можно, и по этой части, конечно, могли дать нам много очков вперед.

Все это мы знали или должны были знать, и все же много раз попадали на удочку к разного рода темным дельцам. Да и как было не попасть, раз сами министры, в том числе и военный, присылали в ГАУ и рекомендовали этих господ, вместо того, чтобы сразу стать на верный путь сношений непосредственно с правительствами союзников. И пока познали настоящую цену этих «представителей» и раскусили их, сколько было потрачено дорогого времени и убито энергии, не говоря уже о деньгах!

Особенно изобретательны и назойливы были эти господа по части «заграничных предложений», суливших им особенно обильную жатву. Тут они прибегали к мистификации ГАУ посредством телеграмм из за границы, писанных под диктовку из Петрограда. С большим трудом удавалось разоблачать эти махинации и отметить авторов их.

В конце-концов, когда пришлось обратиться к правительствам союзников, они, к сожалению, не оказали нам поддержки в той мере, как на это рассчитывали мы и как это было выгодно и для них самих.

Здесь необходимо остановиться подробно на той опекунской роли, которую приняла на себя в отношении наших заграничных заказов наша быв. союзница Англия.

Если английское правительство вообще принимало живое участие в наших заграничных покупках и заказах, то наибольшую деятельность проявило оно именно в отношении снабжения русской армии пушечными патронами.

Большинство частных предложений попадало в ГАУ и к председателю Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части через посредство английского военного министерства, которое вело постоянные переговоры с заводами Англии и Америки, старалось подыскать новых поставщиков и вообще стремилось служить посредником между русским правительством и частною промышленностью.

При этом английский военный министр, лорд Китченер, проявлял склонность монополизировать в своих руках все снабжение русской армии и проверять целесообразность наших заграничных заказов. Для этого он с самого начала действия Особой распорядительной комиссии добивался в точности узнать потребности русской армии, производительность русских заводов и заключенные уже контракты за границей.

В этом именно смысле составлена была памятная записка 18 (31) марта 1915 г., в которой английское военное министерство выражало необходимость получить «полный, откровенный, подробный и верный» перечень потребностей русской армии и всех русских заказов. Кроме того, лорд Китченер неоднократно обращался с тем же вопросом к ген. Рубану (русскому военному представителю в Англии), который в свою очередь справлялся о потребностях армии у председателя комиссии.

Так, 15 февраля ген. Рубан просил сообщить ему: 1) какое количество пушечных и гаубичных снарядов имеется у нас в настоящее время; 2) какое количество изготавливается в месяц в России и 3) до какой производительности дойдут русские заводы в будущем.

18 февраля (3 марта) председатель комиссии ответил на это, что ввиду постоянных боев, требующих большого расхода боевых припасов, не представляется возможным определить с достаточной точностью наличие имеющихся снарядов, что поставки в России, постепенно возрастаая, достигнут к июню 1915 г. девятисот тысяч снарядов в месяц. Что же касается заграничных заводов, то их поставки должны также в совокупности равняться девятистам тысячам в месяц, при том условии, что контракты будут ими выполнены своевременно.

Руководствуясь этими данными, английское военное министерство разработало и передало на усмотрение председателя комиссии целый ряд предложений поставок пушечных патронов.

Телеграммою 26 января (8 февраля) 1915 г. ген. Рубан донес, что лорд Китченер предлагает заказать через канадское правительство 5 миллионов пушечных патронов. 3 февраля великобританское посольство сообщило председателю комиссии, что представитель канадских

фирм прибыл в Петроград и что английское правительство предлагает заключить этот заказ в Петрограде. Результатом этого явился заказ фирме пяти миллионов снарядов.

13 марта лорд Китченер предложил председателю Особой распорядительной комиссии заказать в Америке еще пять миллионов снарядов, на что председатель ответил, что давать заказы на снаряды за границей более не предполагается, ибо общее количество заказанных снарядов уже достигло 10 млн.

28 марта (10 апреля) к председателю комиссии явился английский военный агент и еще раз изложил предложение лорда Китченера и получил на словах тот же ответ.

Из телеграммы от 28 марта (10 апреля) видно, что лорд Китченер, зная о заказанных десяти миллионах снарядов и ожидая со стороны поставщиков больших запозданий в сдачах, считал эти заказы недостаточными и настаивал на возможно скором принятии предложений.

При этом лорд Китченер отправил телеграмму аналогичного содержания и в Ставку верховного главнокомандующего, ибо уже 31 марта (13 апреля) председатель комиссии получил извещение об этом деле от начальника Штаба главноверха. В телеграмме из Ставки, однако, были только переданы слова лорда Китченера, а образ мыслей об этом предмете главноверха приведен не был.

Вследствие этого председатель комиссии в тот же день, 31 марта (13 апреля), отправил в Ставку телеграмму следующего содержания: «Телеграмма Китченера мне была доставлена майором Ноксом три дня назад. Ответ дан в тот же день отрицательный, так как решил прекратить дальнейшие заказы на пушечные патроны за границей, которых уже дано на 9 800 000. Все эти заказы в срок сданы не будут, что уже доказали Виккерс и Шнейдер. Американские фирмы также все просрочили. Если еще дать заказы в Америке, то выполнения их можно ожидать не ранее как через восемь-двенадцать месяцев. Из перехваченных военной цензурой телеграмм мне известно, что американские заводы настолько завалены заказами с континента, что они не в состоянии что-либо выполнить ранее 1916 г.

Во всех контрактах обусловлено наше право в случае надобности продолжить их на новое количество. Указание лорда Китченера на медленную работу машин и затруднения с рабочими не точно. По донесению нашего приемщика, месяц назад еще половина зданий не была готова и оборудование машинами не поставлено».

Указывая затем на несколько неисполненных таким образом контрактов, председатель обращал внимание штабаверха на то: «как заманчиво обуславливают все фирмы свои поставки при даче заказов и как эти заказы выполняются после закрепления за ними денег».

Председатель комиссии просил доложить обо всем изложенном главноверху и заключал телеграмму следующими словами: «Если верховный главнокомандующий найдет мое решение неправильным, то испрашиваю повеления на продолжение заграничных заказов».

Ответ ген. Янушкевича гласил: «Верховный главнокомандующий повелел передать вам, что он вполне одобряет ваше решение относительно дачи дальнейших заказов заграничным фирмам».

Получив таким образом более чем ясное подтверждение отрицательного мнения относительно этого навязываемого нам английскими властями заказа, председатель окончательно отклонил его.

В связи с этим отказом председатель комиссии получил 11 апреля следующую телеграмму от почетного председателя англо-русского комитета *:

«Ввиду того, что несмотря на три энергичных предложения лорда Китченера приобрести пять миллионов снарядов в Америке, ему было отказано, предупреждаю самым серьезным образом, что хотя в данную минуту может быть нет нужды, но если позднее нужда в них потребуется, то их более невозможно будет приобрести, так как они на днях будут все приобретены другими государствами. Считаю моим святым долгом об этом предупредить и убедительно советую немедленно решиться на их приобретение, даже если другие люди будут это отговаривать».

Того же 11 (24) апреля председатель комиссии ответил на это: «Вновь категорически повторяю, что кроме уже заказанных за границей пушечных патронов более новым фирмам заказывать не будем. Все снабжение точно рассчитано. В случае новой потребности в патронах будем продолжать заказы тем же фирмам, которые их выполняют ныне.

В контрактах это право нами выговорено. С вашей стороны прошу энергично настаивать, чтобы английское правительство приняло все меры, дабы канадская фирма выполнила свой контракт в срок, так как эта фирма нам была рекомендована через британское посольство. Виккерс по всем контрактам уже бессовестно обманул» **.

Между тем вопрос о снарядах был, повидимому, предметом переписки между верховным главнокомандующим и лордом Китченером, ибо 4 (17) мая председатель Особой распорядительной комиссии телеграфировал ген. Янушкевичу, что по словам английского военного агента выходит, будто верховный главнокомандующий просил лорда Китченера

* Быв. в. к. Михаил Михайлович Романов, брат Сергея Михайловича.

** Председатель Особой распорядительной комиссии быв. в. к. С. М. Романов всеми мерами боролся с наглыми притязаниями Англии и других быв. „союзников“ поживиться за счет России. Он не стеснялся открыто обвинять во взяточничестве многих влиятельных и государственных деятелей того времени, не исключая быв. военного министра ген. Сухомлинова. Разумеется, это не могло нравиться, и многочисленными противниками С. М. Романова распространялись слухи о его, будто бы, вредной деятельности и даже прикосновенности ко взяткам (см. „Дневник быв. в. к. Андрея Владимировича“ 1915 г. Гиз. Стр. 44). Ходили слухи о взятках, даваемых известной английской фирмой Виккерса через ее представителя в Петрограде Балинского. Между тем, С. М. Романов не без основания обвинял Сухомлинова в его пристрастии к той же фирме Виккерса, в особенности в деле постройки ею пушечного завода в России (в Царицыне) и проч.

Заключительные слова приведенной телеграммы 11 (24) апреля 1915 г.: „Виккерс по всем контрактам уже бессовестно обманул“ опровергают нелепые слухи о взяточничестве С. М. Романова. Б.

заказать пушечные патроны в количестве полутора миллионов в месяц и что при этом военный агент просил выслать в Англию технические условия и чертежи пушечных патронов.

Ввиду того, что все сношения по делам снабжения предметами артиллерийского довольствия шли в то время (первая половина 1915 г.) через Особую распорядительную комиссию по артиллерийской части, председатель комиссии полагал, что в этом деле, должно быть, произошло некоторое недоразумение, и просил разъяснений.

В ответ на это 6 (19) мая председатель комиссии получил от начальника Штаба главноверха следующую телеграмму:

«Докладываю, что ввиду категорического обещания, данного генералом Китченером верховному главнокомандующему, оказать усиленное содействие по снабжению и просьбы, лично к его высочеству обращенной, сообщить через полковника действительные единовременную и ежемесячную потребности в предметах артиллерийского снабжения, была послана телеграмма с указанием, что для активности армии и возможности вновь перейти в наступление необходимо пополнить комплекты пушечных патронов до 1 тысячи на орудие, что потребует сразу 3 миллиона, а для спокойной и действительной силы надо ежемесячно по полтора миллиона. Таким образом, ввиду настоящей просьбы Китченера указать ему потребности, таковые указаны в цифрах, считая, что если бы это удовлетворить, то это нисколько не уменьшает потребности русского производства. Избытка не будет, но только при условии, что поступления начнутся уже в июне».

Между тем, 17 мая председатель комиссии получил от военного министра копию телеграммы главноверха, в которой он говорит о необходимости принять экстренные меры по снабжению действующей армии вооружением и боевыми припасами и извещает об одобрении государем нового проекта Особого совещания под председательством военного министра с участием представителей Государственной думы и отечественной промышленности*.

Из других предложений поставок пушечных патронов нужно отметить следующие:

25 февраля ген. Рубан уведомил, что американская фирма Вифлемских стальных заводов предлагает через фирму Моргана и английского военного министра поставку в пять миллионов патронов (шрапнелей и гранат) по 22 доллара за штуку, со сдачей в течение всего 1916 г. Одновременно предлагалось изготовить орудия.

На это председатель комиссии ответил 1 (14) марта, что все «предложения, сделанные через Моргана, ни по ценам, ни по срокам безусловно неприемлемы».

Это отрицательное отношение председателя комиссии к посредничеству фирмы Моргана нашло себе подтверждение в телеграммах ген. Сапожникова от 30 мая и 12 июня 1915 г.

Исследовав на месте вопрос о возможности давать артиллерийские заказы непосредственно поставщикам при посредстве Моргана, ген. Са-

* См. выше об упразднении Особой распорядительной комиссии.

пожников донес, что: «постоянный захват банкирским домом Моргана монополии на заказы союзных правительств, несомненно, является в высшей степени прискорбным явлением. При передаче военных заказов Моргану военно-торговые интересы страдают весьма сильно, что подтверждается неоднократно выражавшимся в английском парламенте негодованием на деятельность этой фирмы и современным печальным состоянием снабжения английской армии на театре войны. Дальнейшее развитие этой монополии, несомненно, может отразиться неблагоприятно и на наших будущих заказах, так как отвлечет в группу Моргана многих крупных поставщиков, заинтересованных преувеличенной прибылью. Насколько мне известно, финансирование наших заказов в Америке и в настоящее время уже находится исключительно в руках группы Моргана, что, несомненно, даст ей громадное влияние на рынок.

Обезвредить Моргана с нашей стороны можно было бы путем отнятия у него такой монополии нашего финансирования в Америке и обращения к другим банкирам».

Далее ген. Сапожников приводил целый ряд примеров заказов, которые бы могли быть даны американским фирмам непосредственно, но, благодаря посредничеству Моргана, или не были даны совсем или были даны так, что являлись гораздо более выгодными Моргану и американским фабрикантам, чем русским интересам. Так, заказ на прессованный пироксилин был дан заводу, у которого не было прессов; пулеметы Браунинга-Кольта предполагалось покупать и заказывать у несуществующего завода и т. п.

В результате, замечает ген. Сапожников, «ни по одному контракту, заключенному через Моргана и генерала Рубана, приемщики не могут получить своевременно копий контрактов».

В другой телеграмме, датированной тем же числом, ген. Сапожников указывает на то, что «Морган совершенно не считается с присутствием в Америке русской приемной комиссии» и отказывается выдать ему копии контрактов, мотивируя это тем, что контракты заключены им не с русским, а с английским правительством. Обо всем этом председателем комиссии уведомил начальника Штаба верховного главнокомандующего.

Одновременно с телеграммой ген. Сапожникова председатель комиссии получил телеграмму ген. Гермониуса, в которой он сообщает, что лорд Китченер сообщил ему о данном полномочии заказывать для России боевые припасы и пригласил его участвовать в комиссии, образованной при английском военном министерстве для распределения русских заказов.

В первом же заседании этой комиссии был возбужден вопрос о заказе 9½ млн. патронов для полевых пушек. При этом ген. Гермониус просил объяснить ему, на чем же собственно основываются английские власти, регулируя будущее снабжение русской армии.

Цифра 9½ млн. тоже была непонятна, ибо еще два месяца тому назад лорд Китченер предлагал нам заказать 5 миллионов.

В ответ на это ген. Гермониусу показали всю переписку английских властей с русскими, причем ген. Гермониус обратил внимание на фразу в письме начальника Штаба верховного главнокомандующего о предлагаемых нам $1\frac{1}{2}$ миллионах патронов в месяц. Что же касается необоснованности цифры $9\frac{1}{2}$ миллионов патронов, то английская комиссия приняла во внимание возражение ген. Гермониуса и решила запросить об этом Ставку верховного главнокомандующего.

Получив эту телеграмму, председатель Особой распорядительной комиссии, видя, что дело снабжения армии, полностью порученное ему, является предметом самостоятельных забот иностранных властей, не компетентных в наших потребностях и действующих под сильным влиянием коммерческих учреждений (например, Моргана), сообщил этот текст в Ставку и одновременно отправил наштаверху ген. Янушкевичу телеграмму следующего содержания:

«В бытность мою в Ставке вы мне выяснили, что предложения Китченера на заказы в случае поздних сроков будут отклонены. Из телеграммы Гермониуса видно, что Китченер уполномочен заказывать что угодно в неограниченном количестве и даже на семнадцатый год. Имея в виду обе телеграммы Сапожникова и тот факт, что все заказы Китченера будут даваться тому же Моргану, следует ожидать, что все нами ранее заказанное непосредственно в Америке будет парализовано Морганом и вместо ускорения подачи заказов будет только замедление. Прощу мне указать, какую инструкцию я должен дать Гермониусу, и поставить меня в известность, какие полномочия даны Китченеру. Меня также тревожит вопрос, кто впоследствии будет ответственен перед контролем и законодательными учреждениями за длительные заграничные заказы, в которых никакой нужды нет, раз они будут даваться хотя союзным, но иностранным правительством».

6 (19) июня начальник Штаба верховного главнокомандующего ответил председателю комиссии, что «ориентировка Петрограда о возможных надеждах на усиленный приток снабжения и политические условия привели к необходимости принять предложение лорда Китченера, обещавшего полную гарантию исполнения заказов при 25-процентном задатке.

Вся ответственность переходит на Штаб верховного главнокомандующего при согласии с необходимостью заказа совещания военного министра *, в котором участвуют председатель и члены Думы».

Что же касается деятельности английской комиссии, то о ней можно судить по тому факту, что в одном из следующих заседаний цифра $9\frac{1}{2}$ миллионов была заменена 12 миллионами, причем единственной предоставляемой нам гарантией являлось право отказа в случае несвоевременного исполнения контракта. Настаивая на иных, более надежных гарантиях, ген. Гермониус указал, между прочим, на то обстоятельство, что предложение патронов превышает спрос. Поэтому заказы, предлагаемые Морганом, были приняты только условно.

* Т.-е. Особого совещания по обороне.

26 июня ген. Гермониус донес, что в пятом заседании комиссии вновь обсуждался вопрос о распределении русских заказов между американскими заводами, причем существенную роль в разрешении вопросов играли представители Моргана. При этом председатель английской комиссии предложил спросить верховного главнокомандующего, нужно ли еще заказывать снаряды сверх тех, о которых уже было условлено. Ген. Гермониус высказался, что подобное предложение не должно исходить от комиссии и что он во всяком случае не присоединяется к этому заключению, имея в виду, что ничего похожего на попечительство о нашем русском снабжении не должно исходить от английского военного министерства. Тогда председатель заявил, что телеграмма будет послана от имени лорда Китченера.

Таким образом лорд Китченер окончательно сделал это дело своей монополией, отстранив от обсуждения вопроса даже ген. Гермониуса и сносаясь только со Ставкой верховного главнокомандующего *.

В дальнейшем против этой опеки Англии старалось бороться и Особое совещание по обороне государства, но толку из этого вышло также мало, ибо, очутившись в положении бедной приживалки у богатых родственников, царская Россия могла только делать вид протестующей, на самом же деле с нею считались очень мало.

Вскоре по делам «несостоятельной» России образовался целый «опекунский совет» наших союзниц, который и выделил в январе 1917 г. своих представителей на Междусоюзническую конференцию в Петрограде, чтобы окончательно решить, как обойтись с нашими назойливыми просьбами о разного рода «вспомоществованиях».

Результаты этой конференции помещены в особом отчете, о котором неоднократно упоминалось выше.

Странное поведение Ставки в 1915 г. в отношении заказов боевых припасов за границей возможно объяснить, с одной стороны, политическими соображениями Ставки, в узком превратном ее понимании, побуждающими ее всячески заискивать у «союзников»; с другой стороны, растерянностью Ставки и боязнью проиграть войну из-за недостатка снарядов.

* „Отчет Особой распорядительной комиссии по артчасти“, стр. 57—63.